

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

В. В. Бирюкович

Дискуссия о статьях проф. Б. Ф. Поршнева¹, происходившая в январе 1951 г. в Институте истории Академии наук СССР, несомненно, явилась положительным событием на нашем историческом фронте. Такой оценки она заслуживает, во-первых, потому, что представляла собой весьма широкий и живой обмен мнениями между советскими историками не только по важнейшим вопросам средневековья, но и по существеннейшим проблемам марксистско-ленинской исторической теории; во-вторых, потому, что она показала, что у нас существует общественное мнение советских историков, идейно достаточно зрелое для того, чтобы вскрыть и разоблачить извращение марксистской истории, под каким бы флагом это извращение ни преподносилось. Вот почему подавляющее большинство участников дискуссии осудило большую часть исторических построений Б. Ф. Поршнева, признав их немарксистскими и ненаучными.

Однако можно согласиться с мнением редакции «Известий Академии наук СССР», что дискуссия страдала и некоторыми серьёзными недостатками, которые «в основном выразились в том, что не были подведены с достаточной полнотой итоги дискуссии»². Действительно, это не было сделано в должной мере ни в заключении самой дискуссии, ни после неё на страницах печати.

Содержательная критическая статья акад. Е. А. Косминского, напечатанная в «Известиях Академии наук СССР»³, трактует в основном только о двух вопросах: о роли классовой борьбы как движущей силы развития феодального общества и о возникновении централизованного феодального государства. Эти же два вопроса стояли и в центре внимания участников дискуссии. В то же время ряд других больших исторических вопросов оказался слабо освещённым и в дискуссии и в статье Е. А. Косминского. Два из этих вопросов представляются мне наиболее важными и по своему существу и по тому месту, которое они занимают в статьях Б. Ф. Поршнева,— это вопросы о характере крестьянского движения против феодализма и об образовании буржуазных наций. Поэтому, желая восполнить итоги дискуссии, я посвящаю свою статью преимущественно двум последним вопросам.

ВОПРОС О ХАРАКТЕРЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ ПРОТИВ ФЕОДАЛИЗМА

Характеристика крестьянского движения при феодализме занимает центральное место в статьях Б. Ф. Поршнева. Против такого внимания к этому вопросу нельзя возразить, точно так же как нельзя возразить против изображения крестьянства главным и наиболее решительным борцом против феодального строя. Наоборот, такую постановку вопроса нужно горячо приветствовать и признать её вполне своевременной, тем более что до недавнего времени некоторые из советских средневековедов ещё не были

¹ См. «Известия Академии наук СССР», серия истории и философии. Т. V, № 6 за 1948 г.; т. VII, № 6 за 1949 г.; т. VII, № 3 и № 5 за 1950 год.

² «Известия Академии наук СССР», серия истории и философии. Т. VIII, № 2 за 1951 г., стр. 208.

³ См. там же, № 3.

свободны от традиционной и буржуазной по своему существу концепции классовой борьбы в феодальном обществе. Сторонники этой концепции, ведущей своё начало от французских буржуазных историков 20—30-х годов XIX в. Тьерри и Гизо, принижают роль крестьянства в буржуазной революции. Такое принижение классовой борьбы крестьянства коренным образом противоречит исторической действительности и марксистско-ленинскому пониманию крестьянства как главной силы в буржуазной революции против феодализма. Именно эта марксистско-ленинская оценка исторической роли крестьянства нашла выражение в метких словах И. В. Сталина: «Революция крепостных крестьян ликвидировала крепостников и отменила крепостническую форму эксплуатации»⁴.

Но при всей нашей готовности поддержать критику существующих ещё в нашей историографии пережитков буржуазно-либеральных взглядов на историческую роль крестьянства мы ни в коем случае не можем согласиться с тем методом, с помощью которого Б. Ф. Поршнев строит эту критику. Вместо того, чтобы критиковать буржуазно-либеральные взгляды с марксистско-ленинских позиций, он противопоставляет этим взглядам другие, тоже немарксистские по своему существу взгляды, пленившие Б. Ф. Поршнева своей якобы «революционностью». В этом нетрудно убедиться. Обратимся к фактам. Прежде всего нужно отметить, что Б. Ф. Поршнев совершенно превратно понимает связь и взаимоотношения между двоякого рода интересами крестьянства — трудовыми и собственническими — в условиях феодального общества. Он полагает, что эти две категории интересов находились в противоречии друг с другом уже в период позднего средневековья и буржуазных революций, когда крестьянство боролось против феодализма. Хотя, по мнению Б. Ф. Поршнева, «крестьянство и ведёт борьбу против феодализма и в том и в другом качестве»⁵, он всё же считает уместным поставить вопрос, какая же «душа» преобладала в то время в массе крестьян: «душа» труженика и эксплуатируемого или «душа» мелкого буржуа? Б. Ф. Поршнев решает этот вопрос в пользу трудового начала, которым определяется главная линия крестьянской борьбы, «поскольку борьба крестьянства против феодальной эксплуатации является выражением основного внутреннего антагонизма феодального общества»⁶ и в этой борьбе крестьянская масса «действовала в основном как масса неимущих, трудящихся, эксплуатируемых»⁷.

Что касается борьбы крестьян против феодалов, за свои собственные интересы, то «для подавляющего большинства крестьян — это только тенденция»⁸. Собственнические лозунги, полагает Б. Ф. Поршнев, навязывались крестьянству буржуазией. Буржуазия «могла на короткий срок сплотить вокруг себя массы, увлечь их собственническими буржуазными лозунгами, безусловно прогрессивными тогда в борьбе с феодализмом, но всё же отнюдь не адекватными основной линии борьбы масс, именно как трудящихся и эксплуатируемых»⁹. Всё это рассуждение неверно от начала до конца, так как оно исходит из ложного основания и неправильной постановки вопроса.

В процессе борьбы против феодализма, а следовательно, и в условиях буржуазной революции против феодализма, интересы крестьян как тружеников и эксплуатируемых не противоречат их интересам как собственников, а, наоборот, совпадают друг с другом.

На самом деле для освобождения крестьянства от феодальной эк-

⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. 13, стр. 239—240.

⁵ «Известия Академии наук СССР», серия истории и философии. Т. V, № 6 за 1948 г., стр. 480.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 480—481.

сплуатации необходимо не только его личное раскрепощение, но и раскрепощение его земли, его хозяйства. Нельзя забывать, как это упорно делает Б. Ф. Поршневу, что предпосылкой для феодальной эксплуатации служит не только неполная собственность феодала на непосредственных производителей — крестьян, но и собственность его на основные средства производства. Поэтому избавление личности крестьянина от власти феодала и от внеэкономического принуждения неосуществимо без уничтожения прав феодала на крестьянские средства производства, то есть без превращения крестьянского владения в свободную буржуазную собственность, а крестьянина — в самостоятельного товаропроизводителя¹⁰. Однако и этого переворота в отношении собственности ещё недостаточно для окончательной ликвидации феодальной эксплуатации. Мы знаем, что такая ликвидация наступает только вместе с полным уничтожением крупного помещичьего землевладения и с заменой крепостных латифундий мелкой свободной собственностью крестьян¹¹.

Б. Ф. Поршневу сам признаёт собственнические лозунги для эпохи феодализма безусловно прогрессивными. Но разве они могли быть такими, если бы они не были адекватны основной линии борьбы масс, то есть если бы осуществление их не было необходимо для освобождения крестьянства из-под ярма феодальной эксплуатации?

Заметим также, что если бы «трудовые» и собственнические интересы крестьянства в данной исторической обстановке не совпадали, то не было бы осуществимо и такое единство интересов всех слоёв крестьянства сверху донизу, которое позволяло бы ему противостоять феодалам как классу сословие¹². Конечно, это классово-сословное единство крестьянства не исключало расхождения различных группировок крестьянства в методах борьбы против феодализма.

Из всего этого явствует, что утверждение Б. Ф. Поршневу, будто бы собственнические лозунги не адекватны основной линии борьбы крестьянских масс, а подсказываются им буржуазией, противоречит марксистско-ленинскому пониманию исторического развития крестьянства.

Вспомним, что В. И. Ленин совсем по-другому расценивает сближение крестьянства с буржуазией на почве собственнических интересов. «Крестьяне, — говорит он, — сами отчасти хозяева и собственники; поэтому они всегда тянутся за буржуазией, хотя бы подражать ей, мечтают о развитии и укреплении своей мелкой собственности, а не об общей борьбе рабочего класса с классом капиталистов»¹³.

Та коллизия между трудовыми и собственническими интересами крестьянства, которую имеет в виду Б. Ф. Поршневу, возникла, вопреки его мнению, не на феодальной почве и не в борьбе с феодальной эксплуатацией, а на почве капиталистических отношений и в борьбе с капиталистической эксплуатацией. Это внутреннее противоречие в крестьянстве стало исторически неизбежным с того времени, как мелкая собственность, которую крестьяне отвоёвывали у феодалов, начала превращаться из фактора экономического прогресса крестьянства и всего общества в фактор экономической деградации крестьянства и помеху для дальнейшего развития производительных сил.

Такое положение сложилось только в процессе капиталистического развития, которое несло с собой разорение мелкого крестьянского хозяйства, вытеснение его крупным капиталистическим производством и пролетаризацию широких крестьянских масс. Всё это ставило сельское население, за исключением его кулацкой, капиталистической верхушки, перед дилеммой: или борьба с частной собственностью на средства производства во имя защиты своих интересов как трудящихся и эксплуатируемых

¹⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 407—408.

¹¹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 13, стр. 216; т. 15, стр. 117—118. 4-е изд.

¹² См. В. И. Ленин. Т. 6, стр. 97, 370, 403.

¹³ В. И. Ленин. Соч. Т. 11, стр. 357.

или борьба за свои собственнические интересы, борьба, которая в капиталистических условиях рано или поздно должна закончиться поражением мелкой крестьянской собственности и торжеством крупной капиталистической собственности. Однако и в капиталистических условиях подавляющее большинство крестьянства оказывается не в состоянии самостоятельно преодолеть свои собственнические предрассудки и решительно вернуться к борьбе с капиталом во имя своих трудовых интересов. В этом как раз и коренится одна из главных причин, делающих гегемонию пролетариата по отношению к крестьянству необходимым условием для освобождения крестьянства от капиталистического гнёта.

Говоря по поводу трёх наиболее близких к пролетариату слоёв сельского населения — сельских рабочих, полупролетариев и мелких крестьян, — В. И. Ленин отметил, что «сельское население всех трех указанных выше категорий, будучи экономически, социально, культурно заинтересовано в победе социализма, способно решительно поддержать революционный пролетариат лишь после завоевания им политической власти, лишь после решительной расправы его с крупными землевладельцами и капиталистами, лишь после того, как эти задавленные люди увидят на практике, что у них есть организованный вождь и защитник, достаточно могучий и твердый для помощи и руководства, для указания верного пути»¹⁴.

Как мы знаем, ещё сложнее дело обстоит со средним слоем крестьянства, которое, как показал опыт Великой Октябрьской социалистической революции, кладёт конец своим колебаниям между пролетариатом и буржуазией и решительно становится на сторону пролетарской революции только в процессе длительной борьбы пролетарской диктатуры с буржуазно-помещичьей контрреволюцией¹⁵.

Приукрашивая историю крестьянства, рисуя крестьянство как класс, который уже в борьбе с феодализмом руководствовался не собственническими, а трудовыми интересами, Б. Ф. Поршнев, по существу, склоняется к отрицанию одного из оснований, на котором зиждется историческая необходимость гегемонии пролетариата по отношению к крестьянству в социалистической революции.

Этот вывод станет для нас ещё более убедительным, если мы примем во внимание и второй тезис Б. Ф. Поршнева по поводу характера классовой борьбы крестьянства против феодализма.

В духе своей общей тенденции изображать крестьянское движение против феодализма как движение, чуждое всяких собственнических интересов и вообще чуждое всему буржуазному, Б. Ф. Поршнев всячески подчёркивает, что крестьянство, выступая против феодализма, боролось за уничтожение не только феодальной эксплуатации, но и эксплуатации вообще. Иначе говоря, по мнению Б. Ф. Поршнева, крестьянское движение против феодальной эксплуатации было в то же время и движением против капиталистической эксплуатации. Только так могут быть поняты следующие места из его статей. Проводя параллель между буржуазной и социалистической революциями, Б. Ф. Поршнев предлагает «конкретно, убедительно показать, что например во французской революции XVIII в. трудящиеся массы боролись против эксплуатации, а руководившая ими буржуазия использовала их борьбу лишь для замены одной формы эксплуатации другой формой»¹⁶. Народные массы в прошлом, не сознавая того, «боролись против эксплуатации и не за новую форму эксплуатации»¹⁷.

¹⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 132—133.

¹⁵ См. «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 223.

¹⁶ «Известия Академии наук СССР», серия истории и философии, № 6 за 1948 г., стр. 473.

¹⁷ Там же, стр. 485.

Б. Ф. Поршнев больше декларирует это положение, чем доказывает его. Однако справедливость требует отметить, что в одной из своих статей Б. Ф. Поршнев приводит нечто вроде довода в пользу своего тезиса о борьбе крестьянства против эксплуатации вообще. Это «нечто» представляет собой народнического происхождения идею, будто бы крестьяне боролись против феодалов не за буржуазную собственность, а за личную трудовую собственность, которую Б. Ф. Поршнев противопоставляет буржуазной собственности. «Антифеодальное крестьянское движение,— говорит он,— ни в коем случае не следует рассматривать как борьбу за буржуазную собственность — в нем, как правило, налична лишь борьба за личную трудовую собственность»¹⁸.

В данном случае Б. Ф. Поршнев явно изменяет тому методологическому принципу, который он сам провозгласил в одной из своих статей: «Историческая наука, как и всякая наука, прежде всего изучает объективные связи фактов, объясняет, ищет закономерностей. Поэтому историческую науку не может и в вопросе о крестьянских антифеодальных движениях удовлетворить субъективная сторона дела, будь то субъективные симпатии историка или даже субъективные цели самих крестьянских идеологов»¹⁹.

Действительно, наиболее сознательная часть крестьянства и крестьянские идеологи, такие, скажем, как русские народники, были убеждены, что, нападая на феодальные порядки, они тем самым борются не только против феодальной эксплуатации, но и против эксплуатации вообще, включая и капиталистическую эксплуатацию. «Об уничтожении «сразу» всей и всякой эксплуатации давно уже, много веков, даже много тысячелетий мечтает человечество»²⁰. Мечтали об этом и народники. «Типичный трудовик, это — сознательный крестьянин... Его идеал — уничтожение эксплуатации»²¹.

Следует ли отсюда, что объективной целью крестьянских и прочих мелкобуржуазных движений против феодализма являлось уничтожение наравне с феодальной эксплуатацией также и эксплуатации капиталистической? На этот вопрос классики марксизма отвечают категорическим «нет».

Борьба сознательного крестьянина за уничтожение всякой эксплуатации носит иллюзорный характер и относится к области субъективных, а не объективных явлений. По словам В. И. Ленина, сознательный крестьянин мыслит «это уничтожение по-мелкобуржуазному, и потому на деле из его стремления выходит не борьба со всякой эксплуатацией, а только борьба с помещицей и крупно-финансовой эксплуатацией»²².

Поэтому классики марксизма неизменно относили крестьянское движение против феодализма к разряду мелкобуржуазных движений, которые в качестве таковых не могут объективно преследовать такую задачу, как уничтожение капиталистического строя. «Движение крестьянства, — учит В. И. Ленин, — есть движение другого класса; это борьба не пролетарская, а борьба мелких хозяев; это борьба не против основ капитализма, а за очищение их от всех остатков крепостничества»²³.

Посмотрим теперь, чего стоит извлечённая Б. Ф. Поршневым из заповени народническая идея о личной трудовой собственности крестья-

¹⁸ «Известия Академии наук СССР», серия истории и философии. Т. VI, № 6. стр. 536.

¹⁹ Там же, стр. 526.

²⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 9, стр. 412.

²¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 11, стр. 201.

²² Там же, стр. 201—202.

²³ В. И. Ленин. Соч. Т. 10, стр. 379.

янина как некоей положительной противоположности буржуазной собственности. Может ли крестьянский идеал личной трудовой собственности рассматриваться как аргумент в пользу того, что крестьянское движение против феодализма имеет не только субъективную, но и объективную антикапиталистическую направленность? Бесспорно, что есть существенное отличие между основанной на личном труде крестьянской собственностью и собственностью капиталистической, поскольку предпосылкой для образования капиталистической собственности служит экспроприация непосредственных производителей, отделение их от средств производства, то есть разрушение собственности, покоящейся на личном труде²⁴. Но неверно было бы заключать отсюда вместе с народниками, что трудовая собственность крестьянина представляет собой нечто противоположное буржуазной собственности. Личная трудовая собственность — это собственность на средства производства, свободная от феодальных ограничений и основывающаяся на мелком товарном хозяйстве. Следовательно, она является не чем иным, как мелкобуржуазной собственностью, то есть разновидностью буржуазной собственности, а в качестве таковой она ни в коем случае не может служить реальной основой для уничтожения капиталистической эксплуатации. Она является не отрицанием, а утверждением той системы производственных отношений, из которой вырастает капиталистическая эксплуатация.

Поэтому, как показывает исторический опыт, победа крестьянской личной трудовой собственности над собственностью феодальной в условиях буржуазной революции не только не препятствует развитию капиталистической собственности и капиталистической эксплуатации, а, наоборот, содействует этому развитию, устраняя препятствия для превращения меньшинства трудовых собственников в капиталистов, эксплуатирующих и экспроприирующих большинство мелких трудовых собственников²⁵.

На этом основании В. И. Ленин и И. В. Сталин квалифицировали индивидуальное крестьянство как «последний капиталистический класс», как класс, «хозяйство которого базируется на частной собственности и мелком товарном производстве» и который «выделяет и не может не выделять из своей среды капиталистов постоянно и непрерывно»²⁶. В связи с этим весьма уместно вспомнить ту уничтожающую критику, которой подверг В. И. Ленин народнический лозунг «черного передела», представляющий собой не что иное, как наиболее последовательное развитие идеала крестьянской личной трудовой собственности.

«Лозунг черного передела или земли и воли,— этот распространеннейший лозунг крестьянской массы, забитой и темной, но страстно ищущей света и счастья,— буржуазен»²⁷. Таков приговор Ленина. Но народники, не соглашаясь с такой строго научной, марксистской оценкой уравнилельной трудовой собственности. Они её противопоставляют буржуазной собственности. Где кроется социальный корень их ошибки? В их мелкобуржуазности! «Ошибка всех народников,— говорит Ленин,— состоит в том, что, ограничиваясь узким кругозором мелкого хозяина, они не видят буржуазности тех общественных отношений, в которые вступает крестьянин из оков крепостничества. Они превращают «трудовое начало» мелкобуржуазного земледелия и «уравнилельность», как лозунг разгрома крепостнических латифундий, в нечто абсолютное, самодовлеющее, означющее особый, не буржуазный, строй»²⁸.

²⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 832; Архив Маркса и Энгельса. Т. II (VII), стр. 263.

²⁵ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 9, стр. 409.

²⁶ И. В. Сталин. Соч. Т. 12, стр. 40.

²⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 9, стр. 92—93.

²⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 13, стр. 213.

Именно такой «не буржуазный строй» и рисуется Б. Ф. Поршневу, когда он толкует о личной трудовой собственности крестьян как о системе производственных отношений, отличной от буржуазной собственности.

Критика Лениным лозунга «черного передела» позволяет вскрыть ещё одну слабую сторону трактовки крестьянской личной трудовой собственности как собственности небуржуазной. Этот лозунг личной трудовой собственности имеет прогрессивное значение лишь тогда, когда он направлен против феодального землевладения.

Считаясь с этим обстоятельством, Энгельс в 1894 г. предостерегал французских и немецких социалистов от поддержки крестьянского движения против капиталистической эксплуатации, поскольку это движение происходит под мелкособственническими лозунгами²⁹. В полном согласии с Энгельсом В. И. Ленин в 1902 г. заявлял от лица русских социал-демократов: «...по отношению к крестьянству мы вовсе не берём на себя защиты его интересов, как класса мелких землевладельцев и земледельцев в современном обществе»³⁰.

Только при условии перехода крестьян на сторону революционного пролетариата и на точку зрения пролетариата, только в случае отречения их от мелкобуржуазных лозунгов, а следовательно, и от лозунгов «черного передела» и «личной трудовой собственности», их борьба против капиталистической эксплуатации превращается в движение революционное.

Эта совершенно забытая Б. Ф. Поршневым мысль была, как известно, впервые высказана Марксом и Энгельсом более ста лет назад на страницах «Манифеста Коммунистической партии»: «...мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин — все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они революционны, то постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не свои настоящие, а свои будущие интересы, поскольку они покидают свою собственную точку зрения для того, чтобы встать на точку зрения пролетариата»³¹. Эту же мысль подчёркивал Ленин в своих «Замечаниях на второй проект программы Плеханова»³².

Однако для того, чтобы эта смена задач крестьянства в его борьбе с капиталистической эксплуатацией действительно совершилась, крестьянство должно встать под идейное и политическое руководство пролетариата. Только при этом условии крестьянские массы поворачивают от мелкобуржуазных, собственнических лозунгов к лозунгам социализма, превращая тем самым свою борьбу с капиталистической эксплуатацией из иллюзорной в действительную и революционную.

Этот поворот крестьянства уже вполне завершился у нас в Советском Союзе, он совершается в странах народной демократии, он происходит повсюду, где коммунистические партии ведут борьбу за завоевание крестьянства под знамя пролетариата, под знамя коммунизма. Это — событие величайшего мирового значения. Оно является одним из важнейших оснований для полного торжества лагеря демократии, мира и социализма над лагерем реакции, войны и империализма. Но если партии пролетариата повсюду достигли выдающихся успехов в привлечении крестьянских масс на сторону рабочего класса, то это произошло потому, что они строя-

²⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. II, стр. 458—459.

³⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 6, стр. 96.

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии, стр. 61—62. Спбзд. Госполитиздат. 1948.

³² См. В. И. Ленин. Соч. Т. 6, стр. 24.

свою политику на твёрдом фундаменте марксизма-ленинизма и ведут беспощадную борьбу с реакционными, мелкобуржуазными идейными течениями, хотя бы эти идеи и прикрывались ультралевыми фразами. Рецидивы левонароднических разглагольствований о трудовом крестьянстве, ведущем борьбу со всяческой эксплуатацией под лозунгом «трудовой собственности», принадлежат именно к этому разряду враждебных марксизму мелкобуржуазных течений. Вспомним, с каким негодованием обрушился В. И. Ленин на трудовика Водовозова, который проповедовал, что «крестьянство является массой, живущей своим трудом; его интересы — интересы труда, и оно, поэтому, составляет один отряд в великой армии труда, как другой отряд составляют рабочие»³³. «Это, — по определению В. И. Ленина, — не марксистская экономическая наука, а буржуазная: посредством фразы об интересах труда здесь затемняется коренная разница в положении хозяйчика и наемного рабочего»³⁴. Ленин клеймил «разговоры левонародников о «трудовом» крестьянстве» как «вопиющий обман и развращение социалистического сознания рабочих»³⁵.

Эта справедливая ленинская критика целиком относится и к неонародническим рассуждениям Б. Ф. Поршнева о «трудовом крестьянстве».

Хотел или не хотел того Б. Ф. Поршнев, но он предпринял попытку пересмотреть с народнических позиций некоторые из основных положений марксистско-ленинской теории.

Теперь для нас уже не может быть сомнений, что, изображая крестьянскую борьбу против феодализма как движение, в котором трудовое начало преобладало над собственническим, как движение, направленное на уничтожение эксплуатации вообще и на утверждение личной трудовой собственности, якобы отличной от буржуазной собственности, Б. Ф. Поршнев тем самым ставит под вопрос историческую необходимость гегемонии пролетариата в отношении крестьянства в социалистической революции.

Это принижение исторической роли революционного пролетариата ради народнической идеализации крестьянского движения неизбежно влечёт за собой и умаление исторического значения пролетарской революции, затушёвывание противоположности между революцией социалистической и революцией буржуазной.

Вполне логично со своей точки зрения Б. Ф. Поршнев полагает, что трудящиеся и эксплуатируемые массы в социалистической революции борются за те же задачи, что и в буржуазной революции против феодализма: и тут и там идёт борьба за уничтожение эксплуатации вообще. Вся разница между этими революциями сводится к тому, что социалистическая революция оказывается способной осуществить эти задачи, а буржуазная революция против феодализма по вине буржуазии уклоняется от осуществления этих задач.

Именно эта совершенно ошибочная мысль кроется в следующей запутанной и неудобопонятной формулировке Б. Ф. Поршнева: «Идея противоположности между революцией буржуазной и социалистической должна воплотиться в трудах советских историков в виде умения вскрывать соответствующие противоречия в истории всякой буржуазной революции, противоречия между её народными движущими силами и классом-гегемоном — буржуазией, противоречия между её предпосылками — нарастающей борьбой трудящихся против эксплуатации — и её результатом — сменой формы эксплуатации»³⁶.

³³ В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 21.

³⁴ Там же.

³⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 114.

³⁶ «Известия Академии наук СССР», серия истории и философии. Т. V, № 6 за 1948 г., стр. 473.

Б. Ф. Поршнев мыслит настолько по-народнически, что отказывается понять следующую азбучную истину марксизма-ленинизма: социалистическая революция решает такие задачи, которые объективно не стоят и не могут стоять перед крестьянскими массами в буржуазной революции против феодализма. Иначе и быть не может, так как социалистическая революция — не крестьянская, а пролетарская революция, которую совершает новый класс с новыми историческими задачами.

ВОПРОС ОБ ОБРАЗОВАНИИ БУРЖУАЗНЫХ НАЦИЙ

Решая этот вопрос, Б. Ф. Поршнев направляет своё оружие против тех же противников, с которыми он вёл борьбу и по предыдущим вопросам. Эти противники — экономический материализм и буржуазно-либеральная концепция классовой борьбы в эпоху феодализма. Но оружие Б. Ф. Поршнева остаётся в данном случае таким же негодным, как и во всех прочих случаях, потому что собственное понимание Б. Ф. Поршневым процесса образования наций и национальных государств представляет причудливое переплетение свойственных ему неодиорингианских и неонароднических ошибок. Б. Ф. Поршневу не нравится общепринятый среди марксистов взгляд, что совершающееся в процессе классовой борьбы складывание буржуазной нации предполагает определённую экономическую основу, каковой является поднимающийся капитализм. Этот взгляд ему представляется недостаточно радикальной антитезой экономическому материализму. Б. Ф. Поршнев пытается доказать, что классовая борьба крестьянства являлась единственной и последней основой для образования нации. Именно из классовой борьбы, по его мнению, вытекли в конечном счёте все те четыре формы общности, которые необходимы для существования нации.

Прочитав известные слова И. В. Сталина: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»³⁷, Б. Ф. Поршнев замечает: «Вот именно эта общность и формировалась всей историей и всеми формами крестьянской борьбы против феодальной эксплуатации»³⁸.

Чтобы лучше убедить читателя в том, что его мнение вполне отвечает исторической действительности и принципам марксизма, Б. Ф. Поршнев несколько детализирует свою мысль. Он считает, что первенствующую роль в формировании наций играла «открытая» крестьянская борьба. Он усиленно подчёркивает значение «переселений» и «побегов» крестьян, которые будто бы формировали единый национальный язык, территорию, элементы психического склада и культуры³⁹. Но, как и следовало ожидать, главное место среди факторов, создававших нации, Б. Ф. Поршнев отводит крестьянским восстаниям, так как восстания, по его мнению, не только сокрушали феодалов — этих защитников местной ограниченности и космополитизма⁴⁰, но и особенно сильно сглаживали языковые, психологические, бытовые различия между соседними районами, вовлечёнными в общее движение, а подчас и между обширными областями⁴¹. Оказывается, что нация — это не что иное, как продукт солидарности или, по выражению Б. Ф. Поршнева, «общность, которая вырабатывается крестьянами в борьбе с феодалами», «...общность нужна каждому эксплуатируемому классу в его борьбе против эксплуататоров. Общность

³⁷ И. В. Сталин. Соч. Т. 2, стр. 296.

³⁸ «Известия Академии наук СССР», серия истории и философия, Т. VII, № 3 за 1950 г., стр. 220.

³⁹ См. там же.

⁴⁰ См. там же, стр. 219.

⁴¹ См. там же, стр. 217.

феодално-эксплуатируемых крестьян в кульминационной, высшей стадии своего развития есть национальная общность»⁴². На второе место среди причин образования наций Б. Ф. Поршнев ставит свою пресловутую «низшую», или «экономическую», крестьянскую борьбу, одним из актов которой будто бы является развитие товарного хозяйства и национального рынка⁴³.

Как видим, Б. Ф. Поршнев растворяет условия материального производства в классовой борьбе для того, чтобы изобразить классовую борьбу единственным творцом наций.

Совершенно по-иному освещают этот вопрос классики марксизма-ленинизма. Они рассматривают становление нации как исторически закономерный процесс, вытекающий в конечном счёте из не зависящего от воли людей развития производительных сил и производственных отношений. Этому материальному основанию они подчиняют как производное явление борьбу классов, в ходе которой складываются нации. Не случайно поэтому В. И. Ленин, говоря о формировании русской нации, выдвигает на первый план экономические предпосылки этого процесса: «Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это... вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»⁴⁴.

Этот же примат экономических условий в процессе образования наций подчёркивает И. В. Сталин, вскрывая предпосылки образования грузинской нации: «Грузия, как нация, появилась лишь во второй половине XIX века, когда падение крепостничества и рост экономической жизни страны, развитие путей сообщения и возникновение капитализма установили разделение труда между областями Грузии, вконец расшатали хозяйственную замкнутость княжеств и связали их в одно целое»⁴⁵.

Когда товарищ Сталин устанавливает закономерную связь между возникновением наций и развитием капитализма, то он отмечает в качестве главного условия для образования наций не новый этап классовой борьбы, который приносит с собой капитализм, а новый экономический строй, устанавливающийся вместе с капитализмом: «...не могло быть наций в период докапиталистический, так как не было еще национальных рынков, не было ни экономических, ни культурных национальных центров, не было, стало быть, тех факторов, которые ликвидируют хозяйственную раздроблённость данного народа и стягивают разобщённые доселе части этого народа в одно национальное целое»⁴⁶.

Ту же мысль, только выраженную в более сжатой форме, высказывает И. В. Сталин на страницах своего труда по языкознанию: «...с появлением капитализма, с ликвидацией феодальной раздробленности и образованием национального рынка народности развились в нации, а языки народностей в национальные языки»⁴⁷.

Отрицая материальную экономическую основу образования наций и подменяя её игрой сталкивающихся и борющихся социальных сил, Б. Ф. Поршнев с логической неизбежностью склоняется к отрицанию исторической закономерности процесса становления нации и к пониманию нации как случайного и эфемерного конгломерата.

⁴² Там же, стр. 220.

⁴³ См. там же, стр. 216—218.

⁴⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 137—138.

⁴⁵ И. В. Сталин. Соч. Т. 2, стр. 295.

⁴⁶ И. В. Сталин. Соч. Т. 11, стр. 336.

⁴⁷ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 10. Издательство «Правда». 1950.

Однако то, о чём мы сейчас говорили,— это только одна сторона вопроса. Можно согласиться с Б. Ф. Поршневым, что нельзя рассматривать вопрос о нациях в отрыве от вопроса о национально-объединительном и национально-освободительном движении.

Как же решает Б. Ф. Поршнев этот вопрос? С его целевой установкой нельзя не согласиться. Он хочет противопоставить либерально-буржуазной тенденции принижать роль крестьянства в национальном движении такую концепцию, которая отвела бы крестьянству подобающее место в борьбе за национальное единство и национальную независимость.

Но, к сожалению, Б. Ф. Поршнев в данном случае, так же как и при решении вопроса о характере классовой борьбы крестьянства против феодализма, поддался своей склонности «революционизировать» марксистско-ленинские взгляды на историческую роль крестьянства и в результате оказался во власти народнических фантазий.

Б. Ф. Поршневу в не меньшей мере, чем автору этих строк, должны быть известны следующие основные положения В. И. Ленина и И. В. Сталина по поводу роли буржуазии и крестьянства в национальном движении периода подъёма капитализма.

В. И. Ленин и И. В. Сталин считают, что главную, то есть наиболее постоянную и руководящую, роль в этом движении играла буржуазия как класс, наиболее тесно связанный с товарным хозяйством, с национальным рынком, с развивающимися капиталистическими отношениями, и, следовательно, как класс, наиболее заинтересованный в экономической и политической консолидации национальной территории, в овладении национальным рынком и в отвоевании его от чужеземной буржуазии.

Говоря о складывании русской нации на основе национального рынка, Ленин особо подчёркивал, что «руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы», и потому «создание этих национальных связей было ничем иным как созданием связей буржуазных»⁴⁸.

Ту же мысль развивает И. В. Сталин в своём классическом труде «Марксизм и национальный вопрос»:

«Буржуазия — главное действующее лицо.

Основной вопрос для молодой буржуазии — рынок. Сбыть свои товары и выйти победителем в конкуренции с буржуазией иной национальности — такова её цель. Отсюда её желание — обеспечить себе «свой», «родной» рынок. Рынок — первая школа, где буржуазия учится национализму»⁴⁹.

Разумеется, для того, чтобы национальное движение стало действительным, способным преодолеть сопротивление его врагов, в него должны втянуться широкие трудящиеся массы, и в том числе крестьяне. «Сила национального движения, — как заметил товарищ Сталин, — определяется степенью участия в нём широких слоёв нации, пролетариата и крестьянства»⁵⁰.

В определённом отношении трудящиеся массы являются наиболее решительной силой национального движения, а именно в качестве силы, борющейся против национальных и чужеземных феодалов и тем самым устраняющей препятствия для национального единства и национальной независимости. Ведь национальный вопрос в период подъёма капитализма являлся частью буржуазно-демократической революции! Но при всём том крестьянство, как правило, не играло главной роли в национальном движении этого периода. Это связано с двумя обстоятельствами:

⁴⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 137—138.

⁴⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 2, стр. 305.

⁵⁰ Там же, стр. 306.

Не крестьянство, а буржуазия являлась наиболее постоянной силой национального движения того времени, поскольку наиболее постоянным основанием для этого движения являлась борьба за национальный рынок, и в этой борьбе буржуазия была более заинтересована, чем крестьянство. Как отметил Энгельс, ещё на заре капитализма и национальной жизни европейских народов бюргерство, этот предшественник буржуазии, шло в этом отношении впереди крестьянской массы, которая «не выходила за пределы ближайших местных отношений, и потому ее интересы ограничивались узким местным горизонтом»⁵¹.

Согласно Марксу и Энгельсу, в процессе дальнейшего развития капитализма не кто иной, как буржуазия, «все более и более уничтожает раздробленность средств производства, собственности и населения». В результате она «подчинила деревню господству города» и вырвала «значительную часть населения из идиотизма деревенской жизни»⁵².

Товарищ Сталин специально подчёркивал эпизодический характер участия крестьянства в национальном движении: «Что касается крестьян, то их участие в национальном движении зависит прежде всего от характера репрессий»⁵³. Если крестьянство подвергается гнёту со стороны чужеземных землевладельцев, то его участие становится исторически неизбежным, доказательством чего может служить история Ирландии. Но при отсутствии этого гнёта крестьяне остаются в стороне от национальной борьбы, что и наблюдалось, например, в своё время в Грузии.

Однако ещё более существенным является то обстоятельство, что даже в тех случаях, когда массы примыкают к национальной борьбе, эта борьба только «по внешности принимает «общенародный» характер», а «в существе своём она всегда остаётся буржуазной, выгодной и угодной главным образом буржуазии»⁵⁴. И понятно, почему именно при данных исторических условиях дело не может обстоять иначе. Трудящиеся массы, будь то крестьяне или рабочие, расправляясь по-плебейски не только со своими, но и с чужими феодалами, помогают своей буржуазии завоёвывать «родной» рынок, то есть выполнять задачу, в которой буржуазия заинтересована гораздо более, чем крестьянство. И они делают это под руководством буржуазии — гегемона национальных движений периода подъёма капитализма. Мысль, что сутью национального движения того времени являлся не крестьянский вопрос, а вопрос о борьбе буржуазии за свои классовые интересы, нашла в трудах В. И. Ленина и И. В. Сталина столь категорическое и ясное выражение, что Б. Ф. Поршнев не мог обойти этот факт. «В эпоху... поднимающегося капитализма,— читаем в одной из его статей,— в эпоху буржуазно-демократической революции национальная борьба была в огромной степени подчинена выгодам буржуазии, интересам конкурентной борьбы буржуазии разных наций, и в этом смысле была буржуазной»⁵⁵.

Но эта формулировка вовсе не означает, к сожалению, что Б. Ф. Поршнев на самом деле признаёт национальное движение периода подъёма капитализма буржуазным по своему существу, как это делают Ленин и Сталин. Нет, Б. Ф. Поршнев пытается уверить читателей, будто это движение только по видимости буржуазное, а по существу крестьянское, так как суть его заключается в крестьянском вопросе. Он готов при этом придать этой «сути» таинственную, трансцендентную форму, уподобив её чему-то вроде не воспринимаемой кантовской «вещи в себе»: «На ран-

⁵¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 117.

⁵² К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии, стр. 52, 53

⁵³ И. В. Сталин. Соч. Т. 2, стр. 307.

⁵⁴ Там же, стр. 308.

⁵⁵ «Известия Академии наук СССР», серия истории и философии. Т. VII, № 3 за 1950 г., стр. 219.

них ступенях истории складывания наций, когда пролетариат еще был неразвит, крестьянский вопрос был как бы скрытой, невидимой, потенциальной сутью национального вопроса»⁵⁶.

Эта невидимая «потенциальная суть», представляющая собой не что иное, как рост крестьянского сопротивления феодальной эксплуатации, формировала, по мнению Б. Ф. Поршнева, «потенциальные элементы национальной общности»⁵⁷.

Чем же подтверждает Б. Ф. Поршнева реальность всего этого награждения «невидимых потенциальностей»? Ничем, кроме ссылки на роль крестьянства как наиболее решительной движущей силы антифеодальной борьбы. Но, как мы уже выяснили, это обстоятельство не даёт ещё основания считать крестьянский вопрос сутью буржуазных национальных движений.

Рассуждения Б. Ф. Поршнева о «невидимых потенциальностях» представляют собой ширму, за которую он прячет и из-за которой он при случае показывает своё настоящее мнение: «...нация складывается не вокруг буржуазии», «ядром, сутью нации в ту эпоху, когда нации складывались, было крестьянство»⁵⁸. Эти высказывания звучат в устах Б. Ф. Поршнева перефразировкой его главного положения, что подлинной сутью буржуазного национального движения является крестьянский вопрос.

Тщетно пытаюсь согласовать своё понимание крестьянской сущности буржуазных национальных движений с ленинско-сталинской характеристикой этих движений как движений, продиктованных по преимуществу интересами буржуазии, Б. Ф. Поршнева запутывается в сети противоречий, которые остаются незамеченными только для самого автора. Он преподносит в качестве вывода из своих размышлений над «невидимыми потенциальностями» следующее положение: «Своей многовековой борьбой против феодальной эксплуатации крестьянство формирует все элементы нации, всю базу, на которой нация возникает. Крестьянство составляет основу, ядро возникающей нации»⁵⁹.

Однако Б. Ф. Поршнева тут же спохватывается и заявляет: «Но всё же крестьянская борьба не превращает возможности возникновения нации в действительность. Для этого нужно, чтобы руководящую роль взяла на себя буржуазия»⁶⁰. Остаётся совершенно непонятным, почему крестьянство, способное построить базу и все элементы нации, оказывается неспособным превратить эту постройку из возможности в действительность и чего вообще недостаёт нации, заключающей в себе базу и все элементы своего бытия, для того, чтобы стать действительной нацией. Автор предоставил читателям самим ломать голову над этими загадками.

Извращая марксистско-ленинское понимание буржуазного национального движения, Б. Ф. Поршнева не только нарушает историческую перспективу, но и совершает грубую методологическую ошибку.

Б. Ф. Поршнева сам вынужден признать, что известные слова товарища Сталина — «национальный вопрос есть по сути дела крестьянский вопрос», которые Б. Ф. Поршнева положил в основу своей характеристики национального движения времени подъёма капитализма, на самом деле «характеризуют сущность национального вопроса во всем мире в эпоху пролетарской революции»⁶¹.

Быть может, Б. Ф. Поршнева думает, что он допустил тем самым лишь небольшую хронологическую неточность, которая с лихвой компенсируется весьма ощутительными «теоретическими» плюсами: ведь поло

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же, стр. 218.

⁵⁸ Там же, стр. 219.

⁵⁹ Там же, стр. 221.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же, стр. 219.

жение «крестьянский вопрос всегда был и остается по сейчас сутью национального движения» и звучит в ушах простаков куда «революционнее», чем положение «крестьянский вопрос стал сутью национального движения только с эпохи пролетарской революции». Если Б. Ф. Поршнев действительно думает подобным образом, то он глубоко заблуждается.

Посмотрим, что скрывается за допущенной Б. Ф. Поршневым хронологической неточностью.

Не случайно национальный вопрос стал, по сути дела, крестьянским вопросом только с эпохи пролетарской революции, а не раньше. Это объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, крестьянство только со времени появления империализма на Западе сделалось главной и наиболее постоянной движущей силой национальной борьбы, тогда как до этого, как уже было сказано, его участие в национальном движении было sporadическим. Эта перемена в роли крестьянства стала со времени империализма исторически неизбежной, поскольку с этого времени национальный вопрос из вопроса внутригосударственного, каким он был в период подъема капитализма, превратился в вопрос межгосударственный и по преимуществу колониальный, а основную массу угнетенного империалистами населения колоний составляют крестьяне.

Это необходимая, но всё же не главная предпосылка для превращения национального вопроса в вопрос по преимуществу крестьянский. Если бы основные массы крестьянства на этом новом этапе национального движения продолжали поддерживать борьбу своей национальной буржуазии за рынок и если бы последняя попрежнему играла роль гегемона, то, конечно, крестьянский вопрос не приобрёл бы самостоятельного политического значения и не стал бы сутью национального вопроса.

И. В. Сталин подчёркивает, что «шовинизм и национальная борьба неизбежны, неотвратимы, пока крестьянство (и вообще мелкая буржуазия), полное националистических предрассудков, идёт за буржуазией»⁶².

Если бы такое положение вещей сохранилось и в эпоху пролетарской революции, то и национальное движение в эту эпоху оставалось бы по преимуществу буржуазным. На самом деле как раз в этом отношении произошёл целый переворот. Силой, произведшей этот переворот, явился революционный пролетариат, взявший на себя предводительство многомиллионной армией колониального крестьянства в его борьбе против империалистического ига и противопоставивший крестьянский вопрос как самостоятельный политический вопрос националистическим устремлениям колониальной буржуазии. Вот почему Ленин и Сталин начинают новую страницу национального движения с победы Великой Октябрьской социалистической революции. «Октябрьская революция открыла новую эпоху, эпоху колониальных революций, проводимых в угнетённых странах мира в союзе с пролетариатом, под руководством пролетариата...

Наступила эра освободительных революций в колониях и зависимых странах, эра пробуждения пролетариата этих стран, эра его гегемонии в революции»⁶³. С этого времени началось под водительством Советского Союза завоевание пролетариатом «глубоких резервов капитала» из народных масс угнетённых, неполноправных стран⁶⁴.

Но для того, чтобы отвоевать крестьянство колониальных и зависимых стран от империалистов, пролетариат должен отвоевать его из-под руководства и контроля буржуазии этих стран, склонной к сделкам с империалистами за счёт трудящихся масс. Пролетариат должен сам воз-

⁶² И. В. Сталин. Соч. Т. 5, стр. 19.

⁶³ И. В. Сталин. Соч. Т. 10, стр. 243, 245.

⁶⁴ См. И. В. Сталин. Соч. Т. 5, стр. 345—346.

главить движение трудящихся масс и направить его по социалистическому пути.

Тем самым национальный вопрос из частицы буржуазно-демократической революции превратился в исторически необходимую часть пролетарской революции.

Итак, победа социалистической революции в России и гегемония пролетариата в мировом антиимпериалистическом движении превратили национально-освободительное движение в часть пролетарской революции. Вот что явилось главным условием для превращения крестьянского вопроса в суть национального вопроса.

Следовательно, смешивать два разных исторических этапа национального движения и утверждать, что при всех различиях суть их остаётся одной и той же, означает совершать грубую ошибку принципиального характера. Товарищ Сталин предостерегает нас от этой ошибки. Критикуя югославского коммуниста Семича, он говорил: «Нельзя рассматривать национальный вопрос как вопрос по сути дела крестьянский, если социальный смысл национального движения сводится к конкурентной борьбе буржуазии разных национальностей. И наоборот: нельзя усматривать социальный смысл национального движения в конкурентной борьбе буржуазии разных национальностей, если рассматриваешь национальный вопрос как вопрос по сути дела крестьянский. Провести знак равенства между этими двумя формулами нет никакой возможности»⁶⁵.

Б. Ф. Поршнев, пытаясь всяческими способами провести свой взгляд, что уже в период подымающегося капитализма крестьянский вопрос составлял суть национального движения, тем самым противоречит ленинско-сталинскому положению о решающем значении Великой Октябрьской социалистической революции и гегемонии пролетариата для освобождения крестьянских масс колониальных стран из-под ига империализма. Иначе говоря, в данном случае он впадает в ту же самую методологическую ошибку, какую он допустил при характеристике направления и задач крестьянского движения против феодализма.

Вся цепь размышлений над национальным вопросом приводит Б. Ф. Поршнева к заключению о двойственной природе буржуазных наций: в каждой из них наряду с буржуазной нацией живёт крестьянская нация, которая и составляет её постоянную сущность. В подтверждение этого вывода Б. Ф. Поршнев ссылается на известное высказывание Ленина: «Есть две нации в каждой современной нации... Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве,— но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова»⁶⁶.

Следует ли понимать это ленинское противопоставление двух культур и двух наций в одной нации как противопоставление крестьянства и крестьянской культуры буржуазии и буржуазной культуре? Ни в коем случае и ни в коей мере! Такое противопоставление шло бы вразрез с основными принципами марксизма-ленинизма.

В рамках буржуазной нации крестьянство никогда не противостояло самостоятельно буржуазии в экономической и политической областях, а следовательно, и в области культуры.

Вспомним замечательные по своей меткости слова В. И. Ленина: «...все попытки мелкой буржуазии вообще, крестьян в частности, осознать свою силу, по-своему направить экономику и политику кончались крахом. Либо под руководством пролетариата, либо под руководством капи-

⁶⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 7, стр. 222.

⁶⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 16.

талистов — середины нет. Все, кто о ней мечтает, пустые мечтатели, фантазеры»⁶⁷.

Предоставленное самому себе, находясь вне политического и идейного воздействия рабочего класса, крестьянство не противостоит буржуазии как особая нация внутри буржуазной нации, а представляет в лучшем случае наиболее демократическое и радикальное крыло буржуазии. Для того, чтобы средние слои, в том числе крестьянство, составили вместе с пролетариатом нацию, противостоящую буржуазии внутри буржуазной нации, крестьянство и его культура должны ориентироваться на пролетариат и пролетарскую культуру, культуру, социалистическую по своему содержанию.

Имея в виду это обстоятельство, В. И. Ленин следующим образом пояснил свою мысль о двух нациях и двух культурах в современной нации: «Ставя лозунг «интернациональной культуры демократизма и всемирного рабочего движения», мы из каждой национальной культуры берем только ее демократические и ее социалистические элементы, берем их только и безусловно в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму каждой нации»⁶⁸.

Как следует понимать в данном случае Ленина, нам совершенно точно указывает И. В. Сталин: «Разве не говорил Ленин еще до войны, что культур у нас две — буржуазная и социалистическая...»⁶⁹. Как видим, здесь нет и речи о противополжности крестьянской культуры культуре буржуазной. Если Б. Ф. Поршнев иначе толкует это ленинское положение, то только потому, что склоняется в данном случае, как и в целом ряде других случаев, к народническому по своему существу пониманию роли крестьянства, а такое понимание логически ведёт к отрицанию исторической необходимости гегемонии пролетариата по отношению к крестьянству.

Мы подвергли тщательному анализу взгляды Б. Ф. Поршнева по двум из центральных вопросов его статей. Думаю, что этот анализ даёт полное основание для следующих выводов.

Б. Ф. Поршнев поставил перед собой весьма актуальные в научном и политическом отношении задачи. Но он не только не разрешил этих задач, а впал в крупнейшие методологические ошибки, так как он решал выдвинутые им задачи не на основе марксизма-ленинизма, а путём отступления от принципов марксизма-ленинизма.

Намереваясь нанести удар теориям, принижающим роль классовой борьбы крестьянства в историческом процессе, Б. Ф. Поршнев пришёл к отрицанию материальных основ исторической закономерности этой борьбы и к принижению исторической роли пролетариата и пролетарской революции.

Было бы несправедливо считать, что появление в свет статей Б. Ф. Поршнева не принесло никакой пользы советской исторической науке. Эти статьи, вызвав законный протест со стороны советских историков, побудили последних к более глубокой разработке теоретических вопросов. Но, тем не менее, статьи Б. Ф. Поршнева принесли нашей исторической науке несравненно больше вреда, чем пользы, так как они стали рассадником порочных, антимарксистских взглядов.

В чём коренятся причины серьёзных ошибок, совершённых Б. Ф. Поршневым? Прежде всего в нём самом! Б. Ф. Поршнев взялся за решение больших методологических вопросов, не овладев должным образом марксистско-ленинской теорией. Читая статьи Б. Ф. Поршнева.

⁶⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 254.

⁶⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 8.

⁶⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 7, стр. 137—138.

недоумеваешь: как могло случиться, чтобы опытный, обладающий большим научным стажем советский историк совершил столь грубые методологические промахи при решении важнейших исторических вопросов?

Другая серьёзная ошибка Б. Ф. Поршнева состоит в том, что он решал сложные и трудные исторические и методологические вопросы особняком, в стороне от научного коллектива, без обсуждения этих вопросов в товарищеской среде советских историков.

Не следует закрывать глаза и на вину коллектива историков, в первую очередь сотрудников сектора истории средних веков Института истории Академии наук СССР, которые долгое время проявляли безучастность к статьям Б. Ф. Поршнева и не реагировали во-время на его ошибки. Такая позиция являлась тем более непростительной, что значительная доля тех извращений марксистско-ленинской теории, которыми изобилуют разобранные нами статьи Б. Ф. Поршнева, старше самих статей. Они содержатся и в вышедшей ещё в 1948 г. монографии Б. Ф. Поршнева «Народные восстания во Франции перед Фрондой». К сожалению, эта монография не стала предметом глубокой и принципиальной критики. Вина за это ложится на всех советских медиевистов.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРНИЦЫНА